

Логика доказывания

А. Х. Ульбашев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Ульбашев, Алим Х. 2019. «Логика доказывания». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 477–490. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.305>

Логика доказывания, т. е. использование приемов аргументирования в рамках судебного разбирательства, подлежит включению в предмет науки гражданского процесса. Настоящее исследование начинается с рассмотрения общематематических и общефилософских представлений о логике доказывания; в результате показывается единство методологии и понятийного аппарата логики. Логика как общенаучный инструментальный познания приобретает в цивилистическом процессе значительную специфику. Правильное применение логических законов и правил в доказывании обеспечивает возможность принятия судом законного и обоснованного решения. Таким образом, предпринимается попытка преодоления разрыва, существующего между двумя фундаментальными науками — формальной логикой и гражданским процессом. Критической оценке подвергается существующее в российской, а раньше и в советской литературе по гражданскому процессу невнимательное отношение к практическим проблемам логики доказывания. Отечественная доктрина сравнительно мало занимается разработкой и теоретической концептуализацией основных приемов аргументирования и доказывания, хотя и признает их важность. Для контраста большое внимание в статье уделено изучению опыта стран общего права (Великобритания и США), в которых теория и практика доказывания имеют значительно более глубокую историю, — в этих странах логика доказывания стала предметом самостоятельных юридических исследований. Заключительная часть статьи посвящена попытке выявить и объяснить причины подобного дисбаланса, когда теория гражданского процесса во многом игнорирует существующие на практике проблемы доказывания. Автор видит корни проблемы в существующей в российской системе высшего юридического образования практике преподавания логики, в рамках которой основные положения классической формальной логики излагаются в соответствующем учебном курсе безотносительно к особенностям юридической профессии в целом и процесса доказывания в частности.

Ключевые слова: доказывание, приемы доказывания, аргументация, непротиворечивость судебных решений, обоснованность судебных решений, формальная логика.

1. Введение

Учение о доказывании — одно из центральных в науке гражданского процесса. В наиболее общем виде доказывание определяется как «деятельность по установлению фактических обстоятельств дела» (Сергун 1967, 154). Таким образом, *доказывание представляет собой форму судебного познания.*

Действующая Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993)¹, формализовавшая демократический вектор развития Российского государства, а также приверженность нашего общества либеральным ценностям, уделяет большое внимание вопросам доказывания и доказательств. Хотя большинство конституционных норм относится в первую очередь к области уголовного процесса, некоторые положения значимы и для цивилистического процесса (например, п. 2 ст. 50 Основного Закона исключает использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона).

В связи со сказанным не может вызывать сомнений то, что эффективная реализация общих задач гражданского судопроизводства, провозглашенных в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ), применительно к каждому конкретному делу достигается в большой мере на основе и в ходе доказывания, включающего собрание, проверку и оценку доказательств.

В отечественной литературе учение о доказывании в гражданском процессе сводится к двум принципиально важным вопросам: *кто может участвовать в доказывании* (субъект доказывания) и *что подлежит доказыванию* (объект или предмет доказывания).

Что касается первого вопроса, то, как справедливо отмечает В. В. Молчанов, подходы доктрины и законодателя подвергались серьезным колебаниям. Начиная с середины XIX в. (под влиянием норм Устава гражданского судопроизводства 1864 г.) господствовала точка зрения о «чисто» состязательном характере доказывания и, как следствие, об «отстраненности» суда от участия в этой деятельности (Молчанов 2012, 46–51; см. также: Нефедьев 1885).

Кардинальное изменение законодательных и доктринальных подходов к пониманию субъектного состава процессуальной деятельности по доказыванию происходит после известных событий 1917 г. Советское законодательство отводило определяющую роль в ходе доказывания судебным органам, видя в сторонах лишь своеобразных «помощников суда» при установлении объективной истины: «Осуществление социалистического правосудия по гражданским делам путем вынесения законных и обоснованных судебных решений заключает в себе прежде всего установление обстоятельств дела в *результате деятельности суда и других субъектов процесса* (курсив наш. — А. У.) ... Только при доказанности фактов, из которых складывается основание иска... в результате судебной оценки всех собранных данных и установления наличия или отсутствия определенного фактического состава возможны юридическая квалификация правоотношения и разрешение вопроса о защите права» (Юдельсон 2005, 345; см. также: Клейнман 1961, 41–45).

Не менее дискуссионным в литературе был и остается вопрос о *предмете доказывания*, т. е. о наборе юридических фактов, имеющих значение для разрешения того или иного дела, а также о соотношении понятий «предмет доказывания» и «пределы доказывания» (Молчанов 2010, 274).

Не принижая значения затронутых вопросов, а также не претендуя на разрешение этих «вечных проблем» науки гражданского процесса, отметим, что на прак-

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 29 июня, 2018. <http://www.consultant.ru>.

тике достаточно остро стоит и третий вопрос, зачастую выпадающий из научного дискурса: *какова логика доказывания?*

2. Основное исследование

Логика доказывания: общая характеристика и значение. Необходимость обращения к прикладным проблемам применения логики в процессе доказывания диктуется тем, что доказывание представляет собой форму мыслительной, познавательной деятельности. В свою очередь, «[формальной] логикой называется наука о законах правильного мышления» (Строгович 1949, 7; см. также: Вольфсон 1926, 155–157). Отсюда следует, что доказывание должно подчиняться законам формальной логики.

Последнее обстоятельство практически не подвергалось сомнению и признавалось большинством ученых-процессуалистов: «Доказывание в судебном процессе представляет собой мыслительный процесс. Знание законов, форм и приемов мышления сообщает нам формальная логика. Умение применять их на практике в процессе судебного доказывания делает доказывание определенным, последовательным, обоснованным... Формальная логика дисциплинирует мышление, освобождает его от неясности, хаотичности, оберегает от ошибок» (Штутин 1954, 90). Вместе с тем до 1950-х гг. этот тезис, кажущийся сегодня вполне очевидным, был предметом широкой дискуссии о соотношении объективных законов логики и судебного доказывания (Боннер 2014, 13).

Будет ли справедливым утверждение, что логика, ее законы и приемы могут быть отнесены — хотя бы частично — к предмету гражданского процесса? Для ответа на данный вопрос следует посмотреть на то, как логика рассматривается в смежных научных дисциплинах.

Классик советской психологической науки С. Л. Рубинштейн писал: «Мышление является предметом изучения не только психологии, но также — и даже прежде всего — диалектической логики. Каждая из этих научных дисциплин, изучая мышление, имеет однако свою отличительную проблематику или сферу исследования. Проблемой диалектической логики является вопрос об истине, о познавательном отношении мышления к бытию. Проблемой психологии является протекание мыслительного процесса в сознании индивидуума, вопрос о конкретной взаимосвязи мышления с другими сторонами сознания» (Рубинштейн 1940, 286). Аналогичным образом логика оказывается в фокусе правовых исследований, составляя самую основу ДНК правовой материи (в первую очередь гражданского процесса), служа методологической основой права и процесса.

Именно поэтому прав М. К. Треушников, когда называет доказывание «лого-практической деятельностью участвующих в деле, а также в определенной мере и суда» (Треушников 2004, 75–76).

В рамках доказывания и впоследствии при вынесении судебного решения по конкретному спору происходит соотнесение «мира идей» (релевантные нормы права) и «мира вещей» (фактические обстоятельства дела). Судебное доказывание представляет собой частный случай познания бытия (материального мира), сопровождающийся юридической квалификацией.

Закон молчит о применимости приемов и методов формальной логики в рамках доказывания. Такое впечатление создается еще и по той причине, что законода-

тель не дает прямого определения доказывания в цивилистическом процессе (в отличие от ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ). Однако при более тщательном анализе можно увидеть, что закон косвенно нормирует применение логики в ходе доказывания.

Так, классическим примером законодательного нормирования применения законов логики является распределение бремени доказывания между сторонами судебного разбирательства. Как правило, соответствующие нормы закрепляются в нормах материального права (например, ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ). Показательно, что с точки зрения формальной логики доказывание должно осуществляться сторонами на равных условиях, тогда как «истина в молчании», т. е. отказ от участия в доказывании, считается логической уловкой, нарушением. Однако законодатель нередко возлагает бремя доказывания лишь на одну сторону процесса, тем самым освобождая другую сторону от исполнения аналогичной обязанности. Таким образом, правило формальной логики о недопустимости «истины в молчании» заменяется по воле законодателя на прямо противоположное в рамках гражданского процесса.

Кроме того, в развитие положений гл. 16 ГПК РФ о судебном решении Пленум Верховного суда РФ дал следующее разъяснение: исходя из того, что решение является актом правосудия, окончательно разрешающим дело, его резолютивная часть должна содержать исчерпывающие выводы, вытекающие из установленных в мотивировочной части фактических обстоятельств (п. 11 Постановления от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении»). Тот факт, что выводы суда, по терминологии высшей судебной инстанции, должны «вытекать» из установленных в мотивировочной части фактических обстоятельств, — наглядный пример, иллюстрирующий *обязательную применимость законов логики в ходе судебного доказывания*.

Хотя суды не оперируют понятием «логичности» доказывания и доказательств, теории и практике гражданского процесса известна другая характеристика, по сути, являющаяся синонимом логичности, а именно *непротиворечивость*. К сожалению, судебная практика излишне упростила категорию непротиворечивости, сведя ее к соответствию суждений сторон имеющимся в материалах дела доказательствам.

Понятие непротиворечивости заимствовано из точных наук. В математике «непротиворечивость, как и доказательство, может быть *синтаксической* или *семантической*. В первом случае аксиоматическая теория считается непротиворечивой, если в ней невозможно вывести некоторое предложение и его отрицание. Нередко непротиворечивость такого рода называется *формальной*. Во втором случае аксиоматическая теория будет считаться непротиворечивой, если существует хотя бы одна семантическая модель (интерпретация), в которой справедливы все теоремы этой теории. Эту непротиворечивость часто называют *содержательной*» (Яшин 2015, 53; см. также: Идельсон, Минц 1967; Inglis, Mejia-Ramos, Simpson 2007, 3–21).

При приложении математического инструментария к процессуальному учению о доказывании и доказательствах можно увидеть следующее: в гражданском процессе так называемой аксиоматической теорией выступает непосредственное требование истца (заявителя), обращенное к суду. Иными словами, истец (заявитель) выступает с некоторым требованием, изначально носящим для суда гипотетический характер, и впоследствии предлагает собственную аргументацию, пыта-

ясь обосновать эту теорию (подобно доказыванию теоремы). Суд, в свою очередь, проверяет это требование и его обоснование на предмет соответствия формальным и содержательным критериям непротиворечивости.

Допустим, что в суд обратился гражданин Иванов с требованием к гражданину Петрову о взыскании долга по договору займа. Каковы в этом случае действия суда? В первую очередь суд анализирует требование гражданина Иванова, а точнее, его основание — договор займа — по формальным критериям (является ли договор действительным, заключенным, реально исполненным). *Формальная непротиворечивость в этом случае означает абстрактную возможность возникновения того или иного материально-правового требования* (иными словами, суд определяет формальное наличие договорных отношений между сторонами).

На следующем этапе суд устанавливает фактическое, конкретное содержание сложившихся отношений между сторонами, реальное осуществление ими прав и обязанностей и главное — дает правовую оценку аргументации сторон. В конечном счете суд выявляет соответствие (или несоответствие) содержания отношений между Ивановым и Петровым формальным условиям закона и договора. На основании такого сопоставления суд и принимает окончательное решение об удовлетворении или об отказе в удовлетворении исковых требований Иванова к Петрову.

Подобная последовательность (алгоритм) рассуждений обеспечивает непротиворечивость выводов суда и, как следствие, гарантирует его обоснованность. Иными словами, логичность (непротиворечивость) доказывания, находящая отражение в выводах суда, — непреложное условие вынесения мотивированного судебного акта.

По общему правилу принятию итогового решения по делу предшествует судебное разбирательство, в рамках которого стороны имеют возможность представить доводы и аргументировать собственную позицию перед судом. Однако в литературе встречаются различные точки зрения о юридическом значении аргументов и доводов сторон. Например, наиболее категоричную позицию занимает В. В. Молчанов, полагая, что «приводимая сторонами аргументация с использованием доводов (аргументов) находится вне рамок собственно судебного доказывания» (Молчанов 2012, 62). Позиция ученого строится на тезисе о четком разграничении: 1) *доказательств*, т. е. сведений о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее — АПК РФ), ст. 55 ГПК РФ, ст. 59 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ); 2) *аргументов лиц, участвующих в деле*, т. е. их суждений, оценок субъективного характера. Такая позиция кажется вполне ясной: доказательства носят объективный характер, тогда как аргументы всегда связаны с личностью участников процесса, т. е. субъективны, а потому не могут рассматриваться судом.

Более осторожную позицию занимают судьи: по мнению И. В. Решетниковой, «суд анализирует приведенные факты и доводы сторон, предлагает сторонам представить дополнительные доказательства по делу, содействует собиранию доказательств. В конце концов суд делает умозаключение по всему рассмотренному делу, которое отражает в решении» (Решетникова 2011, 75). При таком подходе аргумен-

тация сторон не просто включается в гражданский процесс в целом и в процесс доказывания в частности, но и получает равное значение с доказательствами.

В свою очередь, полностью обходит молчанием данный вопрос Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы РФ от 08.12.2014 № 124(1)), говоря лишь о необходимости сохранения закрытого перечня доказательств.

Представляется, что молчание законодателя в этом случае имеет некоторые объяснения. В первую очередь, отнесение отечественного правопорядка к числу систем романо-германской правовой семьи в известной степени легитимирует ограничение свободы судебного доказывания в силу строгой формализованности гражданского процесса в этих странах: учитывая, что цивилистический процесс создан по четким нормативным канонам, гипотетически мог бы возникнуть риск того, что формальное признание юридической силы за аргументами способно привести к размыванию института доказательств.

Нельзя не отметить и одну социокультурную, историческую особенность российского гражданского процесса: будучи во многом продолжением советского гражданского процесса, фактически не гарантировавшего реального равенства и состязательности сторон, а также реально не признававшего прав человека (Каминская 1984), современный гражданский процесс также хранит отпечаток «старорежимных времен». Этот феномен описывает известный современный адвокат К. И. Скловский: «Неуважение нашего государства и нашего общества (государство здесь лишь послушно воспроизводит стереотипы господствующего у нас сознания) к человеку предопределило неуважение к адвокату, который всегда значит не больше, но и не меньше, чем отдельно взятый человек, абстрактная личность, вызывающая столько раздражения у преподавателей научного коммунизма» (Скловский 2017, 15).

Понятно, что при таких обстоятельствах аргументация лиц, участвующих в деле, «юридическая ценность» их доводов и соображений существенно девальвируются. Совсем иначе дело обстоит на Западе, особенно в странах общего права, где проводится четкое разграничение *evidence* как показаний участников процесса и *proof* как «то[го], что ведет к заключению о правдивости или фальши утверждений о фактах. *Evidence* есть основание *proof*» (Пучинский 2008, 179). Важно отметить, что и *proof*, и *evidence* в англо-американском праве имеют доказательственное значение.

Конечно же, аргументы сами по себе не могут быть единственным основанием принятия судом того или иного решения. Аргументы участников процесса должны корреспондировать имеющимся в деле доказательствам (это соответствует упомянутому английскому правилу «*evidence* есть основание *proof*») (Redmayne 2011, 9–11).

В современной России нельзя недооценивать силу юридической аргументации участников процесса. Как следует из ч. 2 ст. 9 АПК РФ, своевременное непредставление аргументов (доводов) заинтересованной стороной влечет неблагоприятные последствия для этого участника процесса. Так, в п. 15 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 14 Кодекса РФ

об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 06.12.2017) рассматривался вопрос о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности за нарушение норм закона, возлагающих специальные обязанности на арбитражного управляющего. Уже на стадии кассационного обжалования арбитражный управляющий «вспомнил», что на момент привлечения его судом первой инстанции к ответственности он обладал статусом члена территориальной избирательной комиссии с правом голоса, в связи с чем на него распространялся специальный иммунитет от административного преследования. Однако суд кассационной инстанции обоснованно отклонил жалобу арбитражного управляющего со ссылкой на ч. 2 ст. 9 АПК РФ (арбитражный управляющий должен был заявить о таком основании в суде первой инстанции).

Особенности логики судебного доказывания. Несмотря на то что юристы в своей профессиональной деятельности также оперируют приемами и методами формальной логики, юридическая практика выработала и некоторые особые приемы аргументации, требующие специального рассмотрения (Юдин 2018).

Одним из наиболее распространенных приемов судебного аргументирования, применяемого участниками процесса, является приведение ссылок на *релевантную судебную практику*, содержащую доводы, идентичные или близкие тем, что озвучиваются заинтересованной стороной. Данный метод, хотя и известен классической формальной логике, приобретает существенную специфику в рамках юридической практики.

В этом случае релевантность определяется не только сходством фактических обстоятельств дел, но и нахождением судов в одной иерархической системе. Так, если дело рассматривается в Арбитражном суде г. Москвы, то для представителей (адвокатов) ясно, что при аргументации предпочтительно приводить ссылки на практику Девятого арбитражного апелляционного суда, Арбитражного суда Московского округа и Верховного суда РФ, так как именно эти суды будут проверочными инстанциями при возможном обжаловании актов суда первой инстанции. Противоположный пример: при рассмотрении дела в суде общей юрисдикции вероятность того, что суд обратит внимание на практику арбитражных судов, ничтожна мала, в связи с чем стороны, как правило, почти не приводят ссылок на арбитражную практику.

Поведение участников процесса понятно: усиливая свою позицию ссылками на практику вышестоящих судов, они тем самым заявляют о готовности к последующему обжалованию. Но какова процессуальная природа материалов судебной практики?

Очевидно, что данные материалы не являются доказательствами в строгом смысле в силу их несоответствия легальному определению доказательств. В действительности обоснование (усиление) собственной позиции при помощи ссылок на судебную практику — один из *частных приемов логики судебного доказывания*. При этом было бы неверным утверждать, что использование такого приема находится за рамками судебного доказывания и не относится к предмету гражданского процесса.

В гражданском процессе установление фактических обстоятельств и юридическая их оценка неразрывно связаны между собой. В науке уголовного процесса высказывается несколько иная точка зрения: «При производстве по уголовному делу

установление фактических обстоятельств уголовного дела следует отличать от их юридической оценки. Скажем, при разрешении уголовного дела по существу первое лежит в плоскости доказательственного права (доказано / не доказано), а второе — в плоскости уголовно-правовой квалификации (если доказано то, что из этого следует с точки зрения уголовного закона). Именно автономия задачи по установлению фактических обстоятельств дела приводит к необходимости автономной институционализации уголовно-процессуальных положений о доказательствах и доказывании» (Головкин, Ульянова 2016, 417). Подобный подход не может быть экстраполирован на гражданско-правовой процесс. Как было показано выше, *аргументация как форма предложения сторонами юридической квалификации в гражданских спорах осуществляется сторонами на равных, состязательных началах, тогда как окончательная квалификация может быть произведена исключительно судом.*

Логический анализ в судебном решении. Исторические особенности развития и становления отечественного правопорядка, а также укоренившиеся континентально-европейские традиции объясняют то, почему судебное решение в России остается формально «актом применения права» (как этому учит классическая теория права), но при этом не становится эффективным инструментом правотворчества.

Напротив, в странах общего права (главным образом в Великобритании и США) судебное решение представляет собой своего рода целостный философский трактат, в котором судья выступает не только и не столько как правоприменитель, т. е. исполнитель воли законодателя (в этом состоит функция исполнительной власти), а как «жрец права», «рефери», разрешающий социальный конфликт, выраженный в конкретном споре. По этой причине в указанных странах написание судебных решений принято сравнивать с искусством (Kahn 2016).

К сожалению, в нашей стране методология, техника и логика написания судебных решений пока еще недостаточно развиты. Судьи в России очень редко выступают с *особыми мнениями* (де-факто этот институт в настоящее время сохраняется в практике Конституционного суда РФ, а ранее изредка встречался еще и в практике Высшего арбитражного суда РФ) (Тай 2016). Видимо, судьи не торопятся высказывать собственное мнение, отличное от мнения большинства в коллегии судей, не только в силу нормативной неурегулированности этой процедуры, но и по причине необходимости соблюдения «корпоративной этики» и «духа единства».

На Западе особое мнение судьи — своеобразный двигатель развития судебного правотворчества: участники процесса могут видеть, что их доводы по-разному интерпретируются различными судьями, что создает немаловажный эффект «услышанности», в конечном счете гарантирующий признание авторитета судебной власти в обществе, т. е. ее *легитимность*.

Показательно, что особые мнения нередко готовят почву для изменения судебной практики в будущем: так, многие *dissenting opinions* (особые мнения) судьи Верховного суда США Р. Б. Гинзбург впоследствии становились мнением большинства, а нередко приобретали форму закона (Hunt (ed.) 2018, 39).

Судебное решение — это не только венец процесса разбирательства, но и его зеркало, в котором отражается логика доказывания. Сегодня в европейской литературе предлагается качественно новый взгляд на судебное решение как на *результат диалога истца и ответчика*. Иными словами, судебное доказывание рассма-

тривается не как процесс убеждения суда в правоте одной из сторон, а как обмен аргументами самими сторонами в присутствии и под руководством суда. Состязательный процесс предполагает в первую очередь активное *взаимодействие* сторон процесса, тогда как задача суда, помимо прочего, заключается в контроле за соблюдением сторонами логических правил аргументации (Feteris 2000).

В этом состоит коренное отличие отечественной модели гражданского судопроизводства, исторически строящейся на презумпции активной роли суда в ходе доказывания. Несмотря на то что в русскоязычной процессуальной литературе также постулируется тезис о необходимости ограничения полномочий суда при доказывании, сведения их к контролю за процессуальной активностью сторон (Фокина 2011, 12), на практике суд по-прежнему остается активным участником процесса доказывания, самостоятельно определяя предмет доказывания, давая указания сторонам о необходимости предоставления конкретных доказательств, объяснений и т. д.

С сожалением нужно констатировать, что многие российские судебные акты еще очень далеки по своей аргументированности от западноевропейских и американских аналогов. Чаще всего российские судебные акты написаны по следующей схеме: 1) пересказ фактических обстоятельств дела; 2) цитирование норм закона и разъяснений высших судов; 3) вывод. Однако нередко такая структура не позволяет увидеть главного: почему в данном конкретном случае были применены именно эти нормы права. Части судебного акта не взаимосвязаны и противоречивы.

Абсолютно верно показана суть составления судебного решения ведущими российскими процессуалистами Е. В. Кудрявцевой и Л. А. Прокудиной: «Первое, что необходимо сделать суду, — это квалифицировать спорное правоотношение. Для этого в первую очередь необходимо определить характер правоотношения, т. е. определить, какой материальной отраслью права оно регламентируется (иными словами, определить отраслевую принадлежность). После этого следует детализировать данное правоотношение уже внутри отрасли права, чтобы уточнить разновидность материального правоотношения (определить внутриотраслевую принадлежность), например определить тип гражданско-правового договора. При этом нужно установить норму (нормы) права, которая регламентирует спорное правоотношение» (Кудрявцева, Прокудина 2012, 25). Следование подобному ясному алгоритму делает судебный акт логичным (непротиворечивым) и обоснованным.

Рассмотрим также другую ситуацию: как должен действовать судья в случае, когда он не находит релевантную норму или подходящую позицию высшей судебной инстанции, которая могла бы быть применена к спорной ситуации, и как в этом случае должны строить собственную аргументацию участники процесса? По мнению Д. Уолтона, решение такой ситуации может состоять в использовании *метода аналогии*. Понятно, что создание абсолютно нового прецедента, не имеющего опоры на предшествующую практику, требует большей смелости от судьи (особенно в условиях российской судебной системы, отличающейся высоким консерватизмом). Поэтому суду нужно предложить такую позицию, которая имела бы некоторую основу, преемственность в действующем законодательстве и судебной практике.

Один из примеров такой аргументации приводит сам Д. Уолтон: американский суд рассматривал дело о привлечении к ответственности собственника химикатов

за утечку этих материалов. Истцы, требовавшие компенсации, строили свою аргументацию на сравнении этого дела с более старым кейсом о привлечении к ответственности собственника льва за вред, причиненный этим животным, по правилам *strict liability*, т. е. так называемой строгой ответственности (Walton 2013). Несмотря на существенное отличие указанных дел по фактическим обстоятельствам и применимым нормам права, суд все же принял во внимание аргументацию заявителей, так как смог разглядеть единство судебной логики в этих двух делах.

Итак, обобщим (попутно отметив, что приведенная логика применима и к процессу доказывания в судах стран континентально-европейской правовой семьи): в процессе доказывания суд и стороны всегда исходят из наличия некоторой системы координат, состоящей из условных асимптот. Асимптотами в этом примере выступают нормы закона, к которым стремились (или должны были стремиться) участники правоотношений. Затем выясняются фактические обстоятельства дела, образующие, выражаясь математическим языком, параметры кривой. Сопоставление асимптот и кривых, выяснение причин отклонения от требований закона, а также учет аргументов *pro et contra* позволяет сторонам выступить с тем или иным требованием к суду (удовлетворить иск, отказать в его удовлетворении и т. д.), а самому суду — принять окончательное решение (Walton 1993, 215).

3. Выводы. В настоящей статье предпринята попытка взглянуть на теорию доказывания с перспективы, несколько непривычной для отечественной науки гражданского процесса. Несмотря на то что большинство ученых так или иначе постулирует важность логики для процесса доказывания, содержательного развития данная идея чаще всего не получает (за исключением ряда случаев). В странах общего права логика доказывания — одна из важнейших составляющих науки гражданского процесса и соответствующих учебных дисциплин. Так, в университетах США преподается самостоятельный курс по *evidences* (доказательствам), в рамках которого анализируются правила исследования отдельных видов доказательств, ведения перекрестного допроса, опроса свидетелей, работы с членами жюри присяжных и т. д., что в конечном счете формирует у студентов как у будущих юристов важные навыки работы с логикой доказывания. Неслучайно поэтому, что в США давно признано наличие юридической логики как самостоятельного раздела логики, обладающей собственным понятийным аппаратом и самостоятельной методологией (Underwood 1994).

К сожалению, в российских юридических вузах преподавание логики ведется по образцам прошлого и позапрошлого веков. Сопоставим два классических учебника по логике: один под авторством выдающегося советского специалиста в области уголовного процесса и судопроизводства М. С. Строговича (Строгович 1949) и второй, уже более современный, написанный известным российским логиком и философом Ю. В. Ивлевым (Ивлев 2014). Авторитет, профессиональный и педагогический опыт, а также компетентность авторов сомнений не вызывают. По этим учебникам в разные годы учились сотни и тысячи студентов. Однако нельзя не заметить, что, несмотря на временную разницу, пропастью пролегающую между книгами, а также известные стилистические отличия, обусловленные «текущим моментом» (учебник М. С. Строговича изобилует ссылками на работы не только «классиков марксизма-ленинизма», но и политических функционеров того времени, как сегодня можно судить, внесших весьма скромный вклад в развитие науки

логики), эти учебники объединяет одна особенность — они построены на анализе исходных постулатов классической формальной логики (правила силлогизма, так называемые таблицы истинности и др.). При этом правила доказывания и аргументирования занимают последнее место в оглавлении обоих учебников (гл. XII «Доказательства» в учебнике М. С. Строговича и гл. X «Логические и методологические основы аргументации и критики» учебника Ю. В. Ивлева). Таким образом, логика доказывания и правила аргументации практически выпадают из учебного курса.

Понятно, что в рамках общего курса гражданского процесса отсутствует возможность полноценно сконцентрироваться на проблемах, стратегиях и приемах доказывания (вероятно, данные вопросы можно осветить в рамках спецкурсов, рассчитанных на студентов, специализирующихся по кафедре гражданского процесса). В конечном счете большинство юристов, в особенности не проходящих специализацию по гражданско-процессуальному профилю, оканчивают вуз с весьма туманным представлением о практических проблемах доказывания. Однако именно навыки аргументирования и доказывания являются ключевыми для юриста (причем не только для «литигаторов», но и абсолютно для всех юристов вне зависимости от специализации).

Никто не будет оспаривать тот факт, что изучение «чистой» логики может положительно влиять на общее развитие мышления человека. Аналогично было бы неправильным предлагать объединить науки гражданского процесса и формальной логики в нечто единое, ликвидировав их как самостоятельные отрасли научного знания.

В то же время вызывает серьезные возражения существующий на протяжении многих десятилетий подход преподавания логики в отечественных юридических вузах, полностью игнорирующий потребности профессии юриста. Не вызывает никаких сомнений, что качественная перестройка методики преподавания логики заметно отразилась бы на эффективности обучения студентов основным юридическим специальностям, в первую очередь гражданскому процессу.

Библиография

- Боннер, Александр Т. 2014. *Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе*. М.: Проспект.
- Вольфсон, Семен Я. 1926. *Диалектический материализм: курс лекций*. Минск: Государственное издательство Белоруссии.
- Головкин, Леонид В., Людмила Т. Ульянова. 2016. *Курс уголовного процесса*. М.: Статут.
- Ивлев, Юрий В. 2014. *Логика для юристов*. М.: Проспект.
- Идельсон, Александр В., Григорий Е. Минц. 1967. *Математическая теория логического вывода. Математическая логика и основания математики*. М.: Наука.
- Каминская, Дина И. 1984. *Записки адвоката*. Вермонт: Khronika Press.
- Клейнман, Александр Ф. 1961. *Принцип объективной истины в советском гражданском процессе*. Межвузовская научная конференция «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов»: тезисы докладов. Киев.
- Кудрявцева, Елена В., Любовь А. Прокудина. 2012. *Как написать судебное решение*. М.: Юрайт.
- Молчанов, Валерий В. 2010. «Доказывание и доказательства». *Гражданский процесс: учебник*, под ред. М. К. Треушниковой. М.: Городец.
- Молчанов, Валерий В. 2012. *Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве*. М.: Зерцало.

- Нефедьев, Евгений А. 1885. *Устранение судей в гражданском судопроизводстве*. Казань: Типография Казанского университета.
- Пучинский, Василий К. 2008. *Гражданский процесс зарубежных стран*. М.: Зерцало.
- Решетникова, Ирина В. 2011. «Доказывание и доказательства в арбитражном процессе». *Арбитражный процесс: Учебник*. Под ред. Владимира В. Яркова. М.: Инфотропик, 2011.
- Рубинштейн, Сергей Л. 1940. *Основы общей психологии*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- Сергун, Алла К. 1967. «Судебные доказательства». *Советский гражданский процесс: Учебник*, под ред. Марка А. Гурвича. М.: Высшая школа.
- Скловский, Константин И. 2017. *Повседневная цивилистика*. М.: Статут.
- Строгович, Михаил С. 1949. *Логика*. М.: Госполитиздат.
- Тай, Юлий В. 2016. «Особое мнение судьи». *Вестник гражданского процесса* 3: 25–50.
- Треушников, Михаил К. 2004. *Судебные доказательства*. М.: Городец.
- Фокина, Марина А. 2011. *Механизм доказывания по гражданским делам*. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Российская академия правосудия.
- Штутин, Яков Л. 1954. «О предмете доказывания в советском гражданском процессе». *Советское государство и право* 7: 90–95.
- Юдельсон, Карл С. 2005. *Избранное. Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе*. М.; Екатеринбург: Статут.
- Юдин, Андрей В. 2018. «Доказательства и доказывание применимости правовых позиций судебной практики в гражданском судопроизводстве». *Закон* 4: 71–80.
- Яшин, Борис Л. 2015. *Математика в контексте философских проблем*. М.: МПГУ.
- Feteris, Eveline T. 2000. “A dialogical theory of legal discussions: Pragma-dialectical analysis and evaluation of legal argumentation.” *Artificial Intelligence and Law* 8: 115–135.
- Hunt, Helena (ed.). 2018. *Ruth Bader Ginsburg in Her Own Words*. Chicago: AN Agate Imprint.
- Inglis, Matthew, Juan P. Mejia-Ramos, Adrian Simpson. 2007. “Modeling mathematical argumentation: the importance of qualification.” *Educational Studies in Mathematics* 66: 3–21.
- Kahn, Paul W. 2016. *Making the Case: The Art of the Judicial Opinion*. New Haven; London: Yale University Press.
- Redmayne, Mike. 2011. “Rationality and irrationality in evidence and proof: a comment on ‘The structure and logic of proof in trials’ by Professor Tillers”. *Law, Probability and Risk* 10: 9–11.
- Underwood, Richard H. 1994. “Logic and the Common Law Trial”. *American Journal of Trial Advocacy* 18: 151–199.
- Walton, Douglas N. 2013. “Argument from analogy in legal rhetoric”. *Artificial Intellectual Law* 31: 279–302.
- Walton, Douglas N. 1993. “The normative structure of case study argumentation”. *Metaphilosophy* 3: 207–226.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать 17 мая 2019 г.

Контактная информация:

Ульбашев Алим Хусейнович — канд. юрид. наук; alim-ulbashev@mail.ru

Logic of trial

A. Kh. Ul'bashev

Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Ul'bashev, Alim Kh. 2019. “Logic of trial”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 477–490. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.305> (In Russian)

This article is devoted to the application of logical techniques and methods in trial proceedings. The author proceeds from the fact that the logic of proving, in other words the use of

arguments, cannot be excluded from the subject of civil procedure doctrine. Logic as a general scientific instrument of knowledge acquires a significant specificity in the civil procedure. The author starts with consideration of general mathematical and philosophical concepts of logic, subsequently shifting them to procedural matter and thereby showing the unity of methodology and the conceptual apparatus of logic. Thus, there is an attempt to overcome the gap that exists between the two fundamental sciences — formal logic and civil procedure. The author emphasizes that the correct application of logical laws and rules in proving provides the possibility for the courts to make a legitimate and grounded decision. A critical assessment is made of the inattentive attitude to the practical problems of the logic of proving that exists in the Russian, and even in the Soviet literature on the civil procedure. The domestic doctrine is practically not engaged in the development and theoretical conceptualization of the basic methods of argumentation and proving, although it recognizes their importance. The article pays great attention to the study of the experience of the common law countries (England and the USA), where the theory and practice of proving has a much deeper history — in these countries the logic of proving is the subject of various independent legal studies. The final part of the article is devoted to an attempt to identify and explain the reasons for this imbalance, when the theory of the civil procedure largely ignores the existing problems of proving in practice. The author sees the roots of the problem in the existing practice in the Russian system of higher legal education to focus only on the main provisions of classical formal logic, not applying them to the specific features of the legal profession in general and the process of proving in particular.

Keywords: proving, methods of proving, argumentation, legitimacy and validity of the judicial decisions, formal logic.

References

- Bonner, Aleksandr T. 2014. *Traditional and non-traditional evidences in civil and arbitration procedure*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Feteris, Eveline T. 2000. "A dialogical theory of legal discussions: Pragma-dialectical analysis and evaluation of legal argumentation". *Artificial Intelligence and Law* 8: 115–135.
- Fokina, Marina A. 2011. *The mechanism of proving in civil cases*. Dr. Sci. diss. abstract, Russian Academy of Justice. (In Russian).
- Golovko, Leonid V., Liudmila T. Ul'ianova. 2016. *The course of criminal procedure*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Hunt, Helena (ed.). 2018. *Ruth Bader Ginsburg in Her Own Words*. Chicago, AN Agate Imprint.
- Iashin, Boris L. 2015. *Mathematics in the context of philosophic problems*. Moscow, MPGU Publ. (In Russian)
- Idel'son, Aleksandr V., Grigorii E. Mints. 1967. *The mathematical theory of logic input. The mathematical logic and the basics of mathematics*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Inglis, Matthew, Juan P. Mejia-Ramos, Adrian Simpson. 2007. "Modeling mathematical argumentation: the importance of qualification". *Educational Studies in Mathematics* 66: 3–21.
- Ivlev, Iurii V. 2014. *Logic for lawyers*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Iudel'son, Karl S. 2005. *Selections. The Soviet notary. The issues of proving in the Soviet civil procedure*. Moscow; Yekaterinburg, Statut Publ. (In Russian)
- Iudin, Andrei V. 2018. "Evidences and proof of applicability of the judicial practice positions in civil procedure". *Zakon* 4: 71–80. (In Russian)
- Kahn, Paul W. 2016. *Making the Case: The Art of the Judicial Opinion*. New Haven; London, Yale University Press.
- Kaminskaia, Dina I. 1984. *The notes of a lawyer*. Vermont, Khronika Press. (In Russian)
- Kleinman, Aleksandr F. 1961. *The principle of objective truth in the Soviet civil procedure*. Mezhhuzovskaia nauchnaia konferentsiia "Sotsialisticheskaia zakonnost', tolkovanie i primenenie sovetskikh zakonov": tezisy dokladov. Kiev. (In Russian)
- Kudriavtseva, Elena V., Liubov' A. Prokudina. 2012. *How to write a judicial decision*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)

- Molchanov, Valerii V. 2010. "Proving and evidences". *Civil procedure: a textbook*, Ed. M. K. Treushnikov. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Molchanov, Valerii V. 2012. *The basics of the theory of proofs in the civil procedure law*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Nefed'ev, Evgenii A. 1885. *Removal of judges in the civil justice*. Kazan, Kazan University Press. (In Russian)
- Puchinskii, Vasilii K. 2008. *Civil procedure of foreign countries*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Redmayne, Mike. 2011. "Rationality and irrationality in evidence and proof: a comment on 'The structure and logic of proof in trials' by Professor Tillers". *Law, Probability and Risk* 10: 9–11.
- Reshetnikova, Irina V. 2011. "Proving and evidences in the arbitration procedure". *Arbitration procedure: a textbook*, Ed. V. V. Yarkov. Moscow, Infotropik Publ. (In Russian)
- Rubinshtein, Sergei L. 1940. *The fundamentals of general psychology*. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR. (In Russian)
- Sergun, Alla K. 1967. "Judicial evidences". *Soviet civil procedure: a textbook*, Ed. M. A. Gurvich. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (In Russian)
- Shtutin, Iakov L. 1954. "On the subject of proving in the Soviet civil procedure". *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* 7: 90–95. (In Russian)
- Sklovskii, Konstantin I. 2017. *Casual private law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Strogovich, Mikhail S. 1949. *Logic*. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russian)
- Tai, Iulii V. 2016. "Dissenting opinions of judge". *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* 3: 25–50. (In Russian)
- Treushnikov, Mikhail K. 2004. *Judicial evidences*. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Underwood, Richard H. 1994. "Logic and the Common Law Trial". *American Journal of Trial Advocacy* 18: 151–199.
- Vol'fson, Semen Ia. 1926. *Dialectic materialism: Course of lectures*. Minsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Belorussii. (In Russian)
- Walton, Douglas N. 2013. "Argument from analogy in legal rhetoric". *Artificial Intellectual Law* 31: 279–302.
- Walton, Douglas N. 1993. "The normative structure of case study argumentation". *Metaphilosophy* 3: 207–226.

Received: September 23, 2018

Accepted: May 17, 2019

Author's information:

Alim Kh. Ul'bashev — PhD of Legal Science; alim-ulbashev@mail.ru